

Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска)*.

Принципиальная новизна, возможно даже уникальность, современной миграционной ситуации в России состоит не просто в формировании массовых трансграничных потоков трудовых мигрантов, в стремительной и устойчивой динамике этого процесса. Суть проблемы — в беспрецедентно высокой роли этого фактора в экономической, этнокультурной, социальной, политической, внешнеполитической сферах жизни¹. Россия превращается в страну мигрантов — и это может оказаться радикальным поворотом в становлении ее нового качества.

Это означает (среди всего прочего) массовую обыденную повседневность встреч и контактов людей разных культур. Мигранты — это не только жизненно необходимая рабочая сила. Это — иная (иные) культура, язык, образ и стиль жизни,

манеры поведения, иные представления о должном и допустимом, иные системы запретов и табу, иные механизмы социального контроля.

При столкновении с этим неизбежен культурный шок огромного масштаба. Уже сейчас завязываются узлы проблем, противоречий и конфликтов. Российское общество в значительной своей части испытывает чувство опасливости, «настороженности», а то и прямого страха перед тем, что часто формулируется в категориях «нашествия», «экспансии» мигрантов. Комплекс «понаехали тут всякие...» силен именно своей массовостью, «почвенностью» и даже своей неотрефлексированной примитивностью. Эти страхи и это отторжение неизбежно воздействуют на государство, его отдельные структуры и представителей. Соответственно — на выработку и реализацию политики.

Это не просто настороженность старожилов по отношению к новичкам. Конфликтное напряжение мигрантов и принимающего общества накапливается по линиям этнокультурных различий; контраста культур города и деревни; между современной (индивидуалистичной, индустриально-городской) и традиционалистской (коммуналистской, общинной) моделями социального поведения, регулирования и контроля. В реальной жизни (и в восприятии людей) все это не расчленено, вытекает одно из другого. Зачастую два последних фактора воспринимаются и оцениваются через призму этнокультурных различий. А так как до сих пор в обществе господствуют примордиалистские представления об этничности, то и различия эти часто видятся непреодолимыми.

В условиях, когда массовый приток инокультурных мигрантов неизбежен — и так же неизбежен конфликтный характер этого процесса — жизненно важной задачей принимающего общества и государства является выработка стратегии управления процессом. Цель стратегии — добиться формирования такой ситуации, когда разнообразие не угрожало бы базовым ценностям всех сторон, всех участников процесса и, что не менее важно, не воспринималось бы ими как угроза. Это предполагает, прежде всего, взаимную адаптацию принимающего общества и мигрантов. В самом общем виде это включает в себя натурализацию, вывод максимально большого количества мигрантов в правовое пространство; аккультурацию, приобщение мигрантов к нормам и ценностям принимающего общества; привыкание принимающего общества к мигрантам, к культурному многообразию в качестве нормы.

Адаптация сопровождает миграционный процесс, является его неотъемлемой составной частью. Адаптация принимающего общества к мигрантам, к ситуации формирования «общества мигрантов» — предмет отдельного анализа. Что касается самих мигрантов, то стоит выделить два аспекта проблемы. Их собственные, стихийно формирующиеся стратегии и практики, с одной стороны, вклад в этот процесс принимающего общества, с другой.

Среди собственных выделяется, прежде всего, стратегия диаспорализации. В самом общем виде суть ее можно определить следующим образом: формирование мигрантами сообществ с развитыми и эффективно действующими экономическими и социальными сетями, механизмами взаимной поддержки и кооперации.

Дальнейший анализ будет затруднен без некоторых определений. Прежде всего, без авторского понимания термина «диаспора». Вряд ли целесообразно здесь, в этом тексте, воспроизводить основные положения оживленной дискуссии по поводу того, что такое «диаспора», каковы эвристические возможности этого понятия. С этим можно познакомиться, в частности, через постоянную соответствующую рубрику в журнале «Диаспоры»².

Мне же представляется, что диаспора — это не просто рассеяние, пребывание представителей некоей этнической группы вне своего «национального очага» в качестве национального меньшинства. Тогда неизбежен следующий вопрос — что такое этническая группа, кто такие ее представители и почему, что такое этничность вообще. Диаспору я понимаю как особый тип человеческих взаимоотношений, как специфическую систему формальных и неформальных связей, жизненных стратегий и практик, основанных на общности исхода с «исторической родины» (или представлениях, исторической памяти и мифах о таком исходе), на усилиях по поддержанию образа жизни «в рассеянии» — в качестве национального меньшинства в ино-

этническом принимающем обществе. Диаспора — не данность, ее существование (или не существование), возникновение и исчезновение, может быть ситуативным ответом на вызов времени, места и обстоятельств. Исходя из такого подхода, наличие совокупности лиц одной национальности, живущих вне национального очага, пусть даже многочисленных и укорененных на новой родине — это еще не диаспора, а только необходимое условие к ее реализации. Другими словами, одни и те же люди, совокупность этих людей, могут быть, а могут и не быть диаспорой³.

Советский период (по крайней мере, после войны) — пример того, как это условие не реализовывалось, или реализовывалось в угнетенных, маргинальных формах и масштабах. На самоощущении мигрантов и их потомков, их самоидентификацию, образ и стиль жизни огромное влияние оказывала политика советских властей, подозрительно относившихся к национальной самоорганизации, к диаспоральности, стремившихся унифицировать, советизировать, а фактически максимально быстро русифицировать мигрантов. Отсюда — пониженное (хотя и куда более высокое, чем у принимающего большинства) место этнической самоидентификации на общей шкале ценностей у мигрантов и их потомков. В том же направлении действовал и внутригосударственный, межрегиональный характер миграции. Равный правовой статус мигрантов, возможность свободного общения с «национальным очагом» в рамках единого государства уменьшали опасения по поводу сохранения этничности. Свежая память о сталинских репрессиях заставляла опасаться связи с «национальными очагами» вне пределов государственных границ, делали демонстрацию диаспоральности занятием не безопасным или тупиковым с точки зрения выстраивания успешной жизненной стратегии. Можно предположить, что этничность в качестве ресурса адаптации и достижения успеха на новом месте вряд ли играла решающую роль в жизненной стратегии мигрантов.

Современный период принес радикальные перемены в ситуацию. С окончанием политики официального интернационализма проблема перестала быть табуированной, ушли в прошлое внешние запреты и внутренняя неловкость при ее обсуждении. Повсеместно и быстро идут процессы, часто называемые «национальным возрождением», национальный фактор мощно врывается в политику как инструмент политической мобилизации и борьбы за власть. Многие социальные конфликты приобретают этническую окраску. Существовавшие всегда национальные предубеждения, предрассудки, реальные и мнимые обиды и недовольства открыто проговариваются и становятся фактором общественных отношений.

К представителям мигрантских этнических меньшинств (или к тем, кого считали таковыми) и раньше неявно относились как к группе, теперь же это приобретает массовый и открытый характер, в том числе и на официальном уровне. Такое отношение может носить нейтральную, негативную или позитивную окраску, но в любом случае оно заставляет и самих мигрантов консолидироваться или, по крайней мере, рассматривать себя и в таком качестве.

Мощную динамику придал процессу диаспорализации интенсивный рост потоков трансграничных миграций. С распадом СССР в эту категорию вошла часть прежде внутренних миграций. Вчерашние соотечественники превратились в «граждан ближнего зарубежья» — с принципиально новым статусом и набором проблем (экономических, культурных, правовых). Остро встали проблемы поддержания связей с родиной, которая оказалась теперь хоть и «ближним», но «зарубеьем». Эта задача требует теперь больших усилий, лучше всего — коллективных. То же самое относится к проблемам статуса, защиты экономических прав, сохранения языка и культуры и т.д. На родине идут бурные процессы «национального возрождения», строительство новой государственности часто происходит на этнократической основе. Человеческие и материальные ресурсы мигрантских сообществ рассматриваются там как важные факторы этого строительства и борьбы за власть. Поэтому из метрополий прилагаются большие усилия для консолидации соотечественников в России — как правило, на этнической основе. Количество мигрантов из «ближнего зарубежья» резко возрастает, меняется сам тип мигранта, его система мотиваций, образ и стиль жизни, адаптационные возможности и ресурсы. Мигрант этой волны и этого типа неизмеримо больше нуждается в системе групповой поддержки, в сети родственных, клановых, этнических связей.

Бурно формируются миграционные потоки из стран «старого зарубежья». И здесь наиболее значимыми как для России в целом, так и для ее восточных регионов, в особенности, становятся мигранты из Китая. Они уже стали необходимым элементом формирующейся рыночной экономики. По многим причинам, миграционный приток из Китая будет в обозримом будущем возрастать. Китайские трудовые мигранты демонстрируют корпоративную, общинную модель поведения и интеграции в принимающем обществе.

Все эти факторы радикально увеличивают структурообразующее значение этничности, национальной самоидентификации, формируют диаспоральное самосознание, дают мощный толчок к строительству диаспор. Структуры и сети на этнической основе, существовавшие и раньше, разрастаются, качественно меняется их значение как ресурса выживания и делового и социального успеха. Иначе говоря, происходит бурный процесс строительства диаспор.

Дело не ограничивается этими количественными переменами, хотя в ряде случаев количественный рост уже привел к качественным сдвигам. Совершается, если можно так выразиться, «ментальный рост» — появление этих групп (именно в качестве групп) в сознании, как собственном, так и окружающих. И новые мигранты, и старожилы, приписанные советской властью к той или иной этнической группе и в той или иной степени ощущающие свою связь с нею, начинают чувствовать себя группой, в некоторых ситуациях вести себя как члены группы, формируют сеть связей и отношений на этнической основе. Как сейчас принято говорить, *позиционируют* себя в таком качестве.

Диаспорализация происходит двумя путями. Один из них традиционен — приходят новые люди, мигрировавшие из своих «национальных очагов», они остаются, так или иначе интегрируются в принимающее общество, и, одновременно, консолидируются в землячества, общины, кланы, создают сети связей и отношений на этнической основе или этнически маркированные. Это может актуализировать этническую самоидентификацию соотечественников-старожилов, тех, кто прибыл сюда давно, или вообще родился здесь, полностью интегрировался. Более того, наблюдения показывают, что именно такие люди могут становиться ядром формирующихся диаспор. Это и есть другой путь — диаспорализация старожилов, движение от совокупности тех, кто считал себя и/или кого считали представителями неких пришлых национальных меньшинств, к актуализации этничности и групповому структурированию.

Исходя из такого понимания, можно говорить о диаспорах как новом элементе социальной жизни. Происходит радикальный сдвиг — от присутствия представителей этнических меньшинств к их структурированию, формированию общин, с их институтами, активистами, поиском ниши, выдвиганием коллективных (или от имени коллектива) целей.

Из многовекового опыта общемирового феномена «торговых меньшинств» известно, что общинность — это важнейший ресурс их экономического успеха⁴. Более сложен и неоднозначен вопрос о роли этого фактора в процессе адаптации. С одной стороны, сам факт экономического успеха для трудового мигранта — это и индикатор успешности адаптации, и залог дальнейшего продвижения на этом пути. Диаспоральная инфраструктура, сети и механизмы взаимной поддержки, могут стать и становятся инструментами интеграции мигрантов в принимающее общество.

Это можно наблюдать уже сейчас. Мигранты формируют формальные и неформальные сообщества и организации, которые, помимо других функций, помогают им осваиваться в социальном пространстве российских городов. Такие сети удовлетворяют спрос мигрантов на их базовые потребности в чужом обществе: безопасность, информацию, связи, инфраструктуру обеспечения проживания и деятельности.

Иркутск в этом смысле чрезвычайно показателен. В силу целого комплекса экономических и социальных обстоятельств он привлекателен для мигрантов, здесь есть давние традиции их приема и адаптации. Учитывая однако то, что недавно вышло несколько работ автора, посвященных анализу различных аспектов миграционной ситуации в Иркутске⁵, нет необходимости воспроизводить здесь изложенный там материал даже в тезисном виде. Достаточно сослаться на некоторые необходимые для данной статьи обстоятельства.

К настоящему времени здесь, как и в большинстве областных центров страны, создана разветвленная сеть национально-культурных обществ и автономий. И хотя по уставам и по определению, их основная задача — поддержание и развитие национальных культур, обычаев и языков, на деле это часто становится задачей второстепенной. Реальная (и высоко ценимая) деятельность концентрируется в сфере взаимодействия с властями, различного рода посредничество, оказание соотечественникам комплекса жизненно важных услуг в этой сфере⁶.

О характере решаемых проблем, говорит, например архив Азербайджанского национально-культурного общества «Бирлик». Большая его часть — это копии обращений и просьб в различные органы власти (прежде всего, МВД) и ответы на них. Обсуждению проблем взаимоотношений с властями посвятили значительную часть своего времени участники учредительной конференции Таджикского национально-культурного общества «Самонидов».

По отзывам активистов и лидеров НКО этого типа, от них ждут помощи в решении проблем статуса, первичного обустройства мигрантов, решения разнообразных проблем взаимоотношений с властями. Это также инструмент взаимопомощи в сложных или чрезвычайных ситуациях. В некоторых НКО принято в случае внезапной смерти своих членов или просто земляков брать на себя все расходы и организационные усилия, связанные с отправкой тела усопшего на родину. Формальными или неформальными лидерами НКО являются люди влиятельные, часто богатые, обладающие большими связями в городе. Их покровительство — большой ресурс для новичка, а через НКО возможен прямой контакт с ними.

В чем же интерес этих сильных людей, что заставляет их тратить немалые средства и, что еще дороже, время на работу в НКО? Более того, бороться за лидерство в этих общественных организациях? Драматично складывалась, например, история азербайджанского национально-культурного общества. Расстрел среди бела дня в здании собственного офиса всего руководства, убийство двух следующих руководителей — все это недвусмысленно говорит о «цене вопроса».

Причины разные и их немало. Естественно, это удовлетворение нормального стремления к лидерству, престижу и социальному признанию. Кроме того, руководящее положение в НКО, помощь его рядовым членам, позволяют строить отношения с ними на принципе «патрон-клиент». Это значительный социальный и экономический ресурс. Еще больший ресурс — высокий статус в городском сообществе, признанное место в его иерархии, прямые выходы на представителей властей и возможность, говоря современным бюрократическим языком, «решать вопросы».

Типична ситуация, когда лидеры и активисты национально-культурных обществ лоббируют интересы представляемых ими групп и их отдельных членов в коридорах власти. Они проводят пиаровские кампании

в местных СМИ, делают общеполитические заявления. Некоторые из них постепенно входят в местный истеблишмент именно в качестве штатных национальных лидеров.

Глава азербайджанского национально-культурного центра соседней Бурятии, выступая на 11 Съезде народов Бурятии, вносит предложения от лица всей пятитысячной «азербайджанской общины». Он рассказывает о своих регулярных встречах с руководителями республики и города, где решаются проблемы открытия национальных ресторанов и кафе, строительства мечети, защиты от милиции, которая «было одно время — доставала нас, «лиц кавказской национальности». Он обращается непосредственно к присутствующему Президенту РБ: «Мы не один раз встречались с вами, обсуждали вопрос о том, почему нет ни одного азербайджанца в аппарате Президента, Правительства, мэрии г. Улан-Удэ. Ведь это нарушение национальной пропорции в кадровой политике... Поверьте, у нас, у бурятских азербайджанцев, тоже есть достойные нашему вниманию кадры — от этого выиграем все мы»⁷.

Лидерство в НКО — это возможность прямого контакта с властями государств исхода. Новые независимые государства, особенно Закавказья и Центральной Азии, их правящие элиты, стремятся контролировать соответствующие диаспоры, использовать их финансовые и человеческие возможности для национального строительства, борьбы за власть. Насколько это важно для них говорит хотя бы то, что, по некоторым оценкам, в России находится до четверти электората Азербайджана»⁸.

Кроме того, лидеры, уже интегрировавшиеся в местное сообщество, кровно заинтересованы в установлении максимального контроля над мигрантами-новичками, с тем, чтобы контролировать их поведение. Сознательное или, чаще, несознательное нарушение ими норм и правил поведения принимающего общества создает соответствующую репутацию всей этнической группе, больно бьет по ее оседлой, постоянной части.

Национально-культурные общества — это только часть сети отношений и связей представителей «новых диаспор». Часть весьма важная, показательная, но, возможно, не главная. В основном, все-таки сети строятся на неформальной основе. По понятным причинам, изучать неформальные связи и структуры чрезвычайно сложно. Сложно даже в том случае, если они не носят криминального или просто закрытого характера.

Характерна в этом смысле ситуация в формирующемся в Иркутске китайском сообществе. Его представители также создали два культурных общества. Одно из них тесно взаимодействует с консульством КНР в Хабаровске. Имеется организация последователей учения Фалуньгун. Она, впрочем, немногочисленна, не очень влиятельна и состоит по преимуществу не из китайцев. Два же культурных общества (оба возглавляются китайцами-старожилами Иркутска) открыто соперничают за право представлять интересы всех соотечественников города. Одна из них специализируется на посреднических услугах при решении налоговых проблем. Выпускаются китайские газеты. Неофициально, но от этого не менее эффективно, функционирует развитая сеть китайских гостиниц и общежитий, консультационно-посреднических структур, нелегальных финансовых учреждений («китайских банков»), подпольных мастерских по производству поддельных документов, казино и т.д. Представители правоохранительных органов уверенно говорят о китайской организованной преступности и о ее тесных связях как с российскими «коллегами», так и с криминалом в КНР.

Различного рода посреднические, консультационные услуги, помощь в первичной адаптации мигрантов оказываются по линии *неформальных структур* — семейных, земляческих, клановых. С их помощью мигрант-новичок может найти работу, жилье, решить очень трудные проблемы с регистрацией и обретением легального статуса, войти в контакт с «нужными людьми». Неоценимо значение таких услуг в сфере бизнеса. Возможность «решать вопросы» с чиновниками, представителями правоохранительных органов, местным криминалитетом является залогом не просто успеха, а и самого существования бизнеса.

Узлом, «грибницей» таких связей и сетей является китайский рынок Иркутска. Вообще, если мы хотим понять, что происходит в недрах формирующегося в России китайского сообщества, мы должны обратить самое пристальное внимание на «китайские рынки». Даже первый, поверхностный взгляд показывает, что именно там пока концентрируется значительная, а возможно и большая часть экономических мигрантов из КНР. Это основное поле их экономической деятельности, место и механизм их новой социализации, адаптации к принимающему обществу. Сюда направлены огромные товарные потоки из Китая, здесь формируются и концентрируются в руках мигрантов не менее значительные финансовые ресурсы. Это база, с которой происходит дальнейшее внедрение в экономическую и социальную ткань принимающего общества.

Через «китайские рынки» в российские города вошел Китай. Вошел в их обыденность и повседневность, стал неотъемлемой составной частью экономической жизни, быта, общественного сознания. Если вдуматься, теперь это основное место встречи цивилизаций и культур. Место и механизм постоянного контакта, взаимного узнавания и привыкания людей разных культур. Через отношение к «китайскому рынку» зачастую происходит социальное самоопределение представителей принимающего общества. Покупать или не покупать здесь — это символ их социального статуса и престижа.

Причем местные жители участвуют в жизни рынков не только в качестве покупателей. Реально, рынки давно стали интернациональными, что заставило меня взять в кавычки словосочетание «китайский рынок» в этом тексте. Сложился большой слой местных жителей, профессионально обслуживающих рынки или непосредственно на них работающих в разных качествах. Повседневное общение и сотрудничество ведет к

парадоксальному на первый взгляд результату — уровень межэтнической конфликтности здесь минимален. Хотя, казалось бы, сам акт торговли конфликтен по условию, а когда представители разных этнических групп находятся по разные стороны прилавка, это не может не провоцировать взаимного недовольства и конфликта. Тем не менее, этого не наблюдается. Преобладает понимание взаимной полезности и необходимости.

Одновременно, «китайские рынки» — это предмет головной боли городских властей, их тяжелейшая управленческая задача. Приходится решать сложнейшие транспортные, санитарные проблемы, бороться с криминалом, коррупцией, массовым уклонением от уплаты налогов. Остро стоит проблема массового нарушения миграционного законодательства. К «китайским рынкам» обращено постоянное, пристальное, и часто не очень доброжелательное, внимание прессы. Это излюбленный объект риторики многих политиков, видящих в «китайских рынках» символ «китайской экспансии» и «желтой опасности».

Вернемся однако к китайскому рынку Иркутска, известному как «Шанхай» или «шанхайка»⁹. За недолгий период своего существования и динамичного развития он превратился из торговой площадки в сложный, саморазвивающийся и саморегулирующийся организм, во многом живущий по собственным законам и правилам. И, в то же время, он стал интегральной частью иркутской экономической и общественной жизни.

Его жизнедеятельность регулируется не только (и не столько) официальными нормами и инструкциями, сколько сводом неписанных (и потому действенных) правил, обычаев, законов. Помимо официальной администрации здесь эффективно функционируют различного рода неофициальные управленческие структуры, лидеры, хозяева. Люди, так или иначе занятые на рынке, это не конгломерат, неоформленное скопление торговцев и обслуживающих их работу охранников, уборщиков, разносчиков еды, таксистов и т.д. Они жестко организованы, структурированы, связаны сложной системой взаимных обязательств и ответственности.

Это многофункциональная структура — помимо собственно торговой деятельности там сложился комплекс сервисных и развлекательных услуг (от нелегального казино и собачьих бегов до подпольной мастерской по изготовлению подпольных документов, от сети кафе и столовых до охранной, транспортной, консалтинговой инфраструктуры).

Опыт иркутского рынка «Шанхая» показал, что его члены способны на массовые коллективные действия, требующие высокого уровня организации, жесткой внутренней дисциплины, эффективного руководства. Можно привести в качестве примера несколько коллективных акций (забастовок, перекрытия транспортных магистралей, пикетирования городской и областной администрации), в которых участвовали как китайские, так и местные торговцы. Уникальным для России событием стало создание собственной газеты «Восточно-Сибирский Шанхай», энергично и довольно умело отстаивающей право рынка на существование.

Далеко не все китайские мигранты Иркутска работают на «Шанхае», видимо даже не большинство. И уж тем более, они не живут там. Но там сходятся сети отношений и связей, там находится невралгический центр формирующегося китайского сообщества города. Его самостоятельная ценность и для мигрантов, и для иркутского принимающего сообщества состоит в том, что он стал мощным механизмом взаимной адаптации. И хотя решением городских властей «Шанхай» закрыт как хозяйствующий субъект, вся эта инфраструктура сохранилась, распространившись на другие рынки города. Сохранились и сложившиеся функции.

Резюмируя, диаспоральную стратегию адаптации мигрантов можно достаточно уверенно оценить как вполне успешную и эффективную. Но в ней же заключается источник уже формирующихся проблем и конфликтных ситуаций. Суть их можно сформулировать в категориях коммунализма.

В результате диаспорализации возможно формирование неких твердых «ядер», непроницаемых для посторонних. Это предпосылка для «закукливания» мигрантов в рамках своих общностей, что явно может понизить их стремление к социокультурной интеграции в принимающее общество. Пример «чайна-таунов» здесь яркий и самый распространенный. Совершенно не случайно, среди отечественных исследователей сложилось редкое единодушие по поводу нежелательности формирования этих образований.

Признаки внутренней самоорганизации на китайском рынке дают, в частности, основания для того, чтобы предположить: это не только (а возможно и не столько) центр этнической консолидации, сколько некое социальное образование, в которое включены и не китайские торговцы, администраторы, обслуживающий персонал, клиенты и партнеры. Механизмы и структуры власти и влияния строятся не только на денежных, рыночных принципах, вообще принципах современного индустриального, городского общества — огромную роль играют клиентельные связи и отношения, клановые и земляческие структуры.

Иначе говоря, напрашивается гипотеза о том, что это некое **общинное образование**, закрытое от принимающего общества не только социокультурной и этнической чужеродностью, но и принципиально иным типом социальных связей, регулирования и власти. Иначе говоря, это ядро общинности в атомизированном, индивидуалистическом обществе. Неизбежное и далеко идущее следствие этого: постоянный контакт и взаимодействие двух разных, возможно несовместимых типов организации общества. Разнотипных механизмов регулирования человеческого поведения. Разных образов жизни, систем ценностей и взглядов на мир. Характер их сосуществования можно описать метафорой: город, на одних улицах которого правостороннее движение, а на других — левостороннее. Наиболее естественный результат такого взаимодействия — Кондопога.

И если в дореволюционной России, или, скажем, в современной Индонезии, где и принимающее общество во многом было или является общинным, такое общинное образование органично встраивалось в общинное же общество (модель гетто), то в современной России неизбежны отторжение и конфликт.

Современное рыночное, индустриальное, индивидуалистическое общество, готовое не просто мириться с этническим и культурным разнообразием, но и часто способное в рамках стратегии мультикультурализма поддерживать и развивать это многообразие, общинный тип организации, власти и регулирования человеческого поведения принять и интегрировать вряд ли сможет.

В такой ситуации оно должно предложить свою стратегию интеграции мигрантов, позволяющую избежать опасности коммунизма. Стратегию, при которой у мигранта имелась бы возможность и стимулы интегрироваться в атомизированное принимающее общество не через группу, а индивидуально. Пока такой стратегии нет — и нет, пожалуй, даже осознанного спроса на нее. Но уже проглядываются некоторые ее возможные элементы. Прежде всего — это особая роль школы, всей системы образования вообще. При осознанном использовании этого потенциально могучего инструмента, система образовательных институтов может стать и инфраструктурой отбора, рекрутинга и трафика мигрантов, и механизмом их интеграции. Причем интеграции не только этнокультурной, но и социальной.

На уровне экономической необходимости уже осознается потребность в том, чтобы придать регулируемый характер стихийному сейчас миграционному процессу. Регулирование при этом понимается не в смысле административных ограничений (таких попыток было и будет, видимо, еще много) — они доказали свою полную несостоятельность. В российской ситуации, по крайней мере. Растет потребность в инфраструктуре рекрутинга, трафика и адаптации трудовых мигрантов, организованных и спонсируемых принимающим обществом и властью. И на его условиях и общественных нормах. От того, насколько быстро и эффективно такая потребность будет воплощена в комплексе политических решений, законотворческой деятельности, институциональном развитии, практиках взаимоотношений, будет, видимо зависеть соотношение стабильности и конфликта в стране уже в самом недалеком будущем.

* Дятлов Виктор Иннокентьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, заместитель главного редактора независимого научного журнала «Диаспоры» (Москва), директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия».

¹ Блестящий анализ некоторых причин и механизмов этого явления содержится в последних работах Ж.А.Зайончковской, в частности в ее статье: Зайончковская Ж. Перед лицом иммиграции. Соседство Китая поможет решить проблему острого дефицита рабочей силы// Pro et Contra. 2005, № 3(30), ноябрь – декабрь. С. 72 – 86.

² Диаспоры. Независимый научный журнал. 1999 – 2006.

³ Подробнее об авторской позиции в этом вопросе см.: Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России// Диаспоры. 2004, № 3. С. 126 – 138; Дятлов В. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»: фактор стабильности и конфликта в регионе// Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.- Иркутск: Издательство «Наталис», 2005. С. 95 – 137.

⁴ Дятлов В.И. Предпринимательские меньшинства: торгошники, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки – М., 1996

⁵ Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000; Дятлов В. Миграции, мигранты, «новые диаспоры»...

⁶ Гедвилло Г. Национальное объединение в сибирском городе: форма институционализации этничности и/или инструмент политики властей// Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.- Иркутск: Издательство «Наталис», 2005. С. 153 – 165.

⁷ Материалы 11 Съезда народов Бурятии. Улан-Удэ, 2001. С. 49 - 51.

⁸ Сулейманов Н. В СНГ миграция плохо совмещается с демократией// Независимая газета, 2003, 24 июля.

⁹ Подробный очерк о нем см.: Дятлов В. Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка// Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.- Иркутск: Издательство «Наталис», 2005. С. 166 - 187.